

LARA RIGHI

Свобода и идеологизация. Русская публицистика 2022 года после вторжения России в Украину

Freedom and ideologization. Russian journalism in 2022 after the Russian invasion of Ukraine

Abstract. The article aims at illustrating Russian authors' main ideological perspectives expressed in 2022 concerning the Russian invasion of Ukraine. Growing waves of patriotism and imperialism in the Russian Federation are at the basis of the aggression. Under the influence of *restorative nostalgia*, the government perceives itself as the heir of the bygone greatness of the Soviet Union, that must then be re-established. Because of closer and closer political relations between Ukraine and Europe from 2010s on, the Russian government perceives the former as the traitor of the commonly shared Soviet past. Hence, the Soviet dichotomy between *us* and *them* is reintroduced to define Russia and Ukraine respectively. This opposition can be used to classify Russian authors on the basis of their opinions regarding the aggression expressed in the journalistic field; those who publicly side with power in Russia are *us*, while *them* labels authors who choose either migration or underground culture to oppose the Russian government.

Keywords: invasion of Ukraine, contemporary Russia, nostalgia, migration culture, underground culture

Lara Righi, University of Verona, Verona – Italy, lara.righi@univr.it, <https://orcid.org/0009-0002-3205-5324>

Введение

Российское вторжение в Украину 22 февраля 2022 года стало кульминацией империалистических тенденций в России, появившихся уже во время первого президентского срока Владимира Путина. Обращаясь к Федеральному Собранию в 2005 году, российский президент назвал распад СССР „трагедией и распадом исторической России” (*Putin nazval raspad SSSR tragediej*, электронный ресурс). С точки зрения президента, 1991 год вызвал глубокий кризис: российское государство утратило территории, население и то, „что нарабатывалось в течение тысячи лет” (*Putin nazval raspad SSSR*

tragediej, электронный ресурс). По этой логике следует, что Россия потеряла свой особый национальный характер. Это дало основания Путину изобразить распад СССР *коллективной травмой*, т. е. событием, вызывающим разочарование и негативные реакции у всего бывшего советского общества (Alexander 45). Поскольку, по словам Путина, травма конца СССР еще влияет на Россию XXI века, она стала *chosen* или *founding trauma* постсоветской эпохи, т. е. страшным событием, воспринимаемым как источник многих современных кризисов (LaCapra XII; Ušakin 308; Volkan 88).

Ввиду того, что российское государство считает распад СССР унижением страны, подразумевается, что советская эпоха характеризовалась достатком, миром и порядком. Забывание негативных сторон советского прошлого возможно лишь через *селективное забвение*. Алейда Ассман утверждает, что идеологические манипуляции прошлого сознательно отменяют проблематичные аспекты *коллективной памяти* (Assmann 2016; Assmann A. 2008: 97). Таким образом, память становится *селективной* по причине того, что политические власти устанавливают, какие аспекты прошлого надо сохранить (Khazanov 133). В результате изображения советского времени как позитивной эпохи российское государство укрепляет ностальгические фантазии. На самом деле ностальгия действует в качестве механизма сохранения против исторических, социальных и культурных изменений, происходящих слишком быстро: „Today we think of nostalgia as an emotional response to a rapidly changing world, a defence mechanism against the fleeting of time that allows us to preserve the continuity of personal and collective identities” (Boele, Noordenbos, Robbe 3). У человека возникает ощущение, что советское время никогда не кончится. Идеализируя Советский Союз, российское государство обращается к сентиментальности тех людей, которые чувствуют себя иностранцами в данном историческом контексте: „Nostalgia is rebellion against the modern idea of time, the time of history and progress. The nostalgic desires to obliterate history and turn it into private or collective mythology” (Bojm XV). Некоторые люди страдают в новые времена и потому тоскуют по радостному прошлому, когда, по их мнению, жизнь была счастливой.

Говоря о ностальгии по СССР, обратимся к исследованиям Светланы Бойм. Автор различает понятия *reflective nostalgia* и *restorative nostalgia*. В то время как *reflective nostalgia* обозначает меланхолическое фантазийное сожаление об идеальном прошлом, еще до произошедших радикальных изменений, слова Путина о Советском Союзе – проявление *restorative nostalgia*. Эта идея обозначает сильное желание восстановить сегодня великое прошлое. Значит, человеку следует активно задействовать практики, ориентированные на возвращение советской эпохи через национализм: „This kind of nostalgia characterizes national and nationalist revivals all over the world,

which engage in the antimodern myth-making of history by means of a return to national symbols and myths and, occasionally, through swapping conspiracy theories” (Bojm 41).

Советское противопоставление „мы” – „они” в контексте вторжения в Украину

В качестве наследника СССР современная Россия изображает себя страной, снова становящейся империей. По этой причине России кажется необходимым вернуть потерянные территории, являющиеся ключевыми для национального суверенитета. Вот почему Россия обращает внимание на *ближнее зарубежье*. Это собирательное название определяет бывшие советские республики, которые стали независимыми после 1991 года. Согласно российской политической пропаганде Россия должна спасти от западных угроз и разрухи прежние республики СССР, обладающие более низкой культурой и моралью. Россия собирается достичь этого благодаря своей могучей армии и престижу русского языка, чтобы опять включить эти республики в сферу своего влияния. В основании этого мифа лежит и стереотип о широкой русской душе, связанной с так называемым особым и великим русским национальным характером: „широк русский человек, широк как русская земля, как русские поля” (Berdâev 280). Если бывшие советские страны отказываются от Российской Федерации, их воспринимают как предателей советского наследства:

At the heart of this attitude towards Ukrainians is the sense of “how wonderful it is to be Russian”. In the minds of many Russians, Russia is not just another country. It is a country with a great mission – namely, to save the world from the corrupting influence of the spoiled West. For this reason, all things Russian must be great: its territory, its army, even its language has to be (as one Russian genius put it) “great and mighty”. Neighboring nations who reject this great mission are, at best, silly children in need of education, at worst, scoundrels and traitors who must be decimated, deported, and so on (Hrytsak 2022).

Эта ситуация точно описывает причины вторжения в Украину. После расширения Европейского Союза на восток в 2004 году бывшие республики СССР Латвия, Литва и Эстония дистанцировались от Российской Федерации и от ее политической системы (Medves 66). Украинская Оранжевая революция того же года продемонстрировала, что Украина является потенциально демократической страной по европейским критериям (Karatnysky 50). В результате сближение Украины с Европейским Союзом стало восприниматься в России как предательство общего имперского и советского прошлого.

Противопоставление России, ориентированной на имперский проект, и Украины, ориентированной на демократию, продолжает традицию совет-

ского противопоставления „мы/они”. В советское время „мы” обозначало союзников Коммунистической партии, а „они” было синонимом врагов народа:

This Soviet togetherness and comradeship was articulated by the word ‘nashe’ (‘ours’ in Russian), which denoted everything Soviet. The use of the word ‘nashe’ was usually part of evaluative assessments: ‘ours’ was better than ‘theirs’, wherein ‘ours’ referred to Soviet culture, Soviet values and ideals and ‘theirs’ referred to anything foreign (Khinkulova 95).

При СССР противопоставление имело идеологическую значимость и в литературе. Зарубежные литературы и культуры были заведомо „хуже” советской отечественной литературы:

In the USSR, the strict dividing line between one’s own (*svoe*) and alien (*chuzhoe*) played an important role. Terms such as *russkoe* and *sovetskoe* (ethnically Russian and Soviet) revealed specific ideological nuances, just as the borders between literary processes described as domestic (*otechestvennoe*) and foreign (*zarubezhnoe*) (Puleri 89–90).

Понятие *свое* также подразумевало успешное создание советской идентичности сквозь объединяющую роль русского языка. В 1930 годах советское образование на русском языке укрепило власть через продвижение русскоязычной литературы и культуры, рассматриваемых как символы общей идентичности (Grenoble 60–62, Solchanyk 25).

В нашем веке российский народ составляет „мы” на основе своего мессианизма и патриотизма. Следовательно, Российская Федерация всегда лучше иностранных, западных стран и своих политических союзников, ставших символами „они”. В 2022 году оппозиция *мы/они* воспринимается как средство, позволяющее классифицировать русских писателей, признающих вторжение в Украину. В сфере публицистики авторы, поддерживающие политическую власть, стали *нами*, а тех, кто против вторжения, рассматривается как *их*. С точки зрения пропаганды писатели, пока живущие в России после начала агрессии, являются настоящими патриотами, а инакомыслящие писатели, переехавшие за границу, – соответственно предатели родины. Вследствие этого в России писателям дано свободно публично выражать свои идеи только в случае, если они симпатизируют Путину, а выступающим против агрессии интеллектуалам остается публицистика андеграунда.

Мы: писатели в поддержку вторжения

28 февраля 2022 года в „Литературной газете” было опубликовано обращение писателей России, поддерживающих „специальную военную операцию”, под названием *Кто хочет жертв?* Подписанты утверждают, что

Россия, Украина и Белоруссия являются единым народом, происходящим из одного истока, т. е. из исторического региона Руси: „Мир тебе, Украина! Мир вам, Россия и Белоруссия! Из одного истока мы, и этот исток Руси изначально будет питать и нас, и близкие нам по духу народы, всегда!” (*Kto hočet žertv?*, электронный ресурс). Эти писатели – очевидные сторонники империалистического проекта России, идеологически оправдывающего объединение под российским влиянием трех территорий бывшего СССР с большой долей русскоязычного населения. На самом деле путинская пропаганда сделала концепцию русского мира идеологическим оправданием спецоперации. Обращаясь к россиянам накануне вторжения, российский президент утверждал, что русскоязычным в Украине запрещено говорить на русском в публичной сфере, в которой разрешен только украинский язык:

Людам, которые считают себя русскими и хотели бы сохранить свою идентичность, язык, культуру, прямо дали понять, что на Украине они чужие. В соответствии с законами об образовании и о функционировании украинского языка как государственного русский язык изгоняется из школ, из всех публичных сфер, вплоть до обычных магазинов (*Tekst obrašeniâ Vladimira Putina k rossiânam*, электронный ресурс).

Путин подразумевает, что тем, кто говорит по-русски в Украине, нужна защита Российской Федерации, чтобы свободно выразить свою идентичность. Таким образом, русский язык совпадает с политической принадлежностью: россияне, русскоязычные украинцы и белорусы должны жить в единой стране в силу того, что они говорят на одном языке. Поскольку русский, украинский и белорусский народы соседствуют территориально, то подписанты обращения думают, что конфликт между славянами противоестествен: „Стравливание славян между собой недопустимо” (*Kto hočet žertv?*, электронный ресурс). По их мнению, только Запад и НАТО виноваты во вторжении. Европа лишь притворяется, что западное общество основывается на пацифизме, но на самом деле боится величия культуры, армии и духа России: „Россию часто назначали виновницей того, в чем виноваты были другие. Величие нашей культуры, армии, духа воспринималось как то, с чем надо покончить. [...] Жертв хочет обнявшийся с нацистами Запад, хотят бандерлоги, братающиеся с наговцами” (*Kto hočet žertv?*, электронный ресурс). Писатели – авторы этого обращения – желают, чтобы российская армия освободила Украину от нацизма, якобы распространенного в стране Западом: „Мы хотим, чтобы Украина была суверенной и дружественной, процветающей и свободной. Но не хотим, чтобы ею правили нацисты” (*Kto hočet žertv?*, электронный ресурс). Получается, что только Россия способна защитить счастье, свободу и мир, т. е. гарантировать воплощение моральных принципов и украинских, и русских прозаиков и поэтов-классиков: „У нас великие писатели, связанные одними духовными

радениями о счастье, свободе, мире, человеке. Лев Толстой и Николай Гоголь, Тарас Шевченко и Александр Пушкин, Леся Украинка и Анна Ахматова” (*Kto hočet žertvu?*, электронный ресурс).

Это последнее предложение показывает, что пропаганда национализма в России манипулирует символами *культурной памяти*, т. е. системой памяти о культурных символах специфической социальной группы (Assmann J. 2008: 110–111). Писатель и пропагандист Захар Прилепин говорит о русских писателях, чтобы подкрепить свою поддержку вторжения. Прилепин уже участвовал в военных действиях в Донбассе в 2014 году. В начале 2023 года он подписал контракт с российской армией, чтобы принять активное участие во вторжении в Украину. 18 марта 2022 года Прилепин был гостем пропагандистского митинга на стадионе в Лужниках в Москве, организованного Путиным в поддержку спецоперации. Писатель заявил, что „Пушкин, Гоголь и Достоевский были бы сегодня с нами” (Tarošćina). По его мнению, если бы великие авторы русской традиции были живы, они бы поддержали причины вторжения. Внимание подписантов обращения „Литературной газеты” и Прилепина к писателям русской классической литературы основывается на *метанарративе о литературоцентричности*. По словам Жан-Франсуа Лиотара, метанарративы действуют в качестве вечных моральных и культурных убеждений, управляющих жизнью (Lyotard 5). Манипулируя культурными символами родины для пропагандистских целей, писатели, поддерживающие вторжение, убеждены, что их долг – защищать русскую культурную традицию от зловредного влияния Запада, распространяющего в России антинародные ценности. По этой причине Прилепин создал ГРАД – „группу по расследованию антироссийской деятельности в сфере культуры” (Verdnikova). ГРАД исполняет цензурные функции: группа занимается исключением из русской культурной жизни интеллектуалов, не поддерживающих конфликт, чтобы сохранить „чистоту национальной культуры”.

Все эти писатели считаются в российском официозе настоящими патриотами, потому что они публично поддерживают вторжение. С другой стороны, писателям, выступающим против Путина, не остается ничего другого, как эмигрировать.

Они: писатели против вторжения

5 мая 2022 года ряд русских писателей и поэтов за рубежом подписали *Международное обращение писателей по поводу войны – к тем, кто говорит на русском языке*, опубликованное интернет-изданием „Медуза”. Они обращаются к тем, кто говорит по-русски, независимо от национальности,

чтобы заменить Путина в его роли официального и единственного собеседника россиян. Интеллектуалы подчеркивают, что с начала конфликта русский язык – язык СМИ – стал политическим средством государства, для разжигания ненависти к Украине:

Сегодня русский язык используется российским государством, чтобы разжигать ненависть и оправдывать позорную войну с Украиной. На русском языке официальными СМИ производится вся та ложь, которая дымовой завесой окружает эту агрессию.

Граждан России кормили ложью много лет. Независимые источники информации были почти уничтожены. Многих критиков режима заставили замолчать. Государственная машина пропаганды работает на полном ходу (*Meždunarodnoe obrašenie pisatelej po povodu vojny*, электронный ресурс).

Чтобы донести до россиян правду о вторжении, надо очистить русский язык от пропагандистской лжи, нужно коммуницировать, разговаривать с людьми: „Пожалуйста, используйте все возможные средства коммуникации. Телефон. Мессенджеры. Электронную почту. Говорите с теми, кого вы знаете. С теми, кого не знаете” (*Meždunarodnoe obrašenie pisatelej po povodu vojny*, электронный ресурс).

Среди подписавших обращение – писатель Владимир Сорокин, который уехал из России и сейчас живет в Берлине. 25 апреля 2022 года немецкая газета „Süddeutsche Zeitung” опубликовала статью писателя *Наша война*, в которой он желает победы Украине и осуждает путинизм. С точки зрения Сорокина, российская власть выступает в роли оккупанта, а Путин стал деспотичным царем, воспроизводящим социальную и политическую структуру Средневековья: „В Кремле на троне восседает деспотичный царь, а его окружают новые феодалы – олигархи на своих мерседесах. Их охраняют новые «опричники», обеспеченные айфонами” (Borisova). Сорокин добавляет, что вторжение началось из-за того, что российский президент ненавидит свободную Украину, ориентированную на Запад и дистанцирующуюся от авторитаризма.

Берлин стал убежищем для поэтессы и писательницы Марии Степановой, которая также подписала обращение. 18 марта 2022 года „Financial Times” опубликовал статью *Maria Stepanova: the war of Putin's imagination* в переводе на английский Саши Дагдэйл. По словам Степановой, вторжение основывается на анахронической идеи нации и связано с противопоставлением *мы – они*: есть нации лучше других, находящихся ниже на „шкале величия”, которой пользуется российское государство:

It calls up archaic ideas of nationhood: that there are worse nations, better ones, nations that are higher or lower on some incomprehensible scale of greatness; that all Ukrainians (or Jews, Russians, Americans and so on) are weak, greedy, servile, hostile (*Maria Stepanova: the war of Putin's imagination*, электронный ресурс).

В отличие от подписантов обращения „*Кто хочет жертв?*” *Российские писатели о специальной операции в Донбассе*, верящих в угрозу распространения нацизма в Украине, Степанова подчеркивает, что в пропагандистской речи Путина слово „нацизм” называет неопределенного, сильного врага, проникнувшего в Украину, которого надо победить любыми средствами, включая насилие в отношении мирного населения:

The word “Nazi” is one of the most frequently used in the political language of the Russian state. Speeches by Vladimir Putin and propaganda headlines often use the word to describe an enemy that they say has infiltrated Ukraine. This enemy is so strong that it can and must be resisted with military aggression: the bombing of residential areas, the destruction of the flesh of towns and villages, the living tissue of human fates (*Maria Stepanova: the war of Putin's imagination*, электронный ресурс).

Подписавшая это же обращение и тоже живущая в Берлине писательница Людмила Улицкая 1 апреля 2022 года сказала в интервью, что вторжение будет иметь ужасные последствия для российского общества. Она полагает, что травма конфликта отравит навек отношения между русским и украинским народом: „[Последствия] будут ужасны, это понятно. Боюсь, что это как минимум на два поколения отравит отношения между русским и украинским народом. А может быть, и больше. На 100 лет. Это будет большая травма” (*Ulickaâ o posledstviâh vojny*, электронный ресурс). Улицкая надеется на помощь российских женщин. По ее мнению, только сильные и самодостаточные русские женщины могли бы остановить конфликт (*Ulickaâ o posledstviâh vojny*, электронный ресурс).

Русским беженцам приходится сталкиваться с трудностями эмиграции. В статье *Зябко, стыдно, освобожденно*, опубликованной в мае 2022 года в „Новой газете” писатель Максим Осипов анализирует проблемы россиян, уехавших из России. Слова писателя противоречат мнению подписантов обращения „Литературной газеты” о необходимости вторжения. Интеллектуалы, поддерживающие Путина, верят в так называемую миротворческую миссию российской армии, а Осипов показывает, что эмигранты решили уехать из страны, потому, что они ненавидят насилие, чинимое российской армией и Путиным:

Мы – это уехавшие (удравшие, сбежавшие) из страны вскоре после того, как она напала на Украину. Мы ненавидим войну, ненавидим того, кто ее развязал, и мы не собирались покидать родину (отчизну, отечество) – все слова, какое ни возьми и с какой буквы, прописной или строчной, ни напиши, испачканы, обещены (Osipov).

Осипов после вторжения переехал в Армению, а потом в Германию. Он детально помнит каждую фазу эмиграции. Например, в аэропорту Москвы он видит, как молодые россияне проходят через унижительные допросы:

Тех, кто помоложе и едет в одиночку, отводят в сторону, учиняют допрос, исследуют содержимое сумок, сотовых телефонов. Как говорят, ищут тех, кто собирается воевать на стороне Украины, но (эксцесс исполнителей) увлекаются, наслаждаясь унижением мальчиков и девочек из хороших семей: если в отпуск, то для чего дипломы, свидетельства о рождении, старые письма и фотографии, собаки и кошки? Почему билет в одну сторону, и стоило ли на него тратить тысячу долларов? – Стоило, товарищи, еще как (Osipov).

Прилетевший в аэропорт Франкфурта Осипов сравнивает себя с немцами-антифашистами, уехавшими из Германии во время Второй мировой войны. Он слушает женщину, говорящую, что он приехал из враждебной страны: „– Вы теперь, как те немцы-антифашисты, что оказались за границей Германии с немецким паспортом на руках. Их ведь тоже воспринимали как граждан враждебной страны, – говорит немка” (Osipov). Писатель вспоминает слова немки, заполняя графу о своем гражданстве в анкете. Ему приходится указать российское гражданство, то есть назвать страну, которая повинна в страданиях украинцев:

Анкета. Доходишь до пункта Nationality – надо выбрать из списка свою. Албания, Алжир, Андорра... Как заманчиво было бы выбрать Андорру или Габон, но нет, листай дальше, до Rußland. Привыкай, привыкай, тебе теперь до конца твоих дней выслушивать речи: русский или не русский – неважно, есть много хороших русских людей (Osipov).

Осипов также обращает внимание на тему неестественности конфликта. Для него вторжение противоестественно не потому, что украинцы и россияне являются одним народом. Это трагическое событие разрушает семейные и родственные связи. Родители, живущие в России, не верят своим детям, живущим в Украине и говорящим, что российская армия их бомбит:

Иногда не спасают и родственники.

– Мама! – кричит в телефон девушка, живущая в Киеве. – Нас бомбят!

– Ошибаешься, деточка, – отвечает мама, она в Петербурге. – Мирных людей не трогают, передавали по телевизору (Osipov).

Международное обращение писателей по поводу войны – к тем, кто говорит на русском языке, статьи Сорокина, Степановой, Улицкой и Осипова показывают, что в Европе писатели-эмигранты пользуются интеллектуальной свободой. Но в России инакомыслие ушло в андеграунд и интернет-публикации. Онлайн-издание ROAR (Resistance and Opposition Arts Review) занимается изданием разнообразных культурных продуктов русских и русскоязычных антивоенных и оппозиционных интеллектуалов. На сайте можно найти не только стихи, статьи и прозу, но также рисунки, песни, фотографии, эссе, партитуры и граффити. ROAR выходит раз в два месяца на русском и на английском, и первый номер был опубликован вскоре после

начала вторжения, 24 апреля 2022 года. На главной странице сайта главный редактор, писательница, поэтесса и переводчица Линор Горалик пишет, что она ждет момента, когда ROAR, возможно, будет закрыт навсегда, т. е. момента, когда российская агрессия против Украины закончится и противостояния официальной государственной и свободной оппозиционной культур в России больше не будет:

Мы уже сейчас с нетерпением ждем момента, когда ROAR можно будет закрыть навсегда, то есть момента, когда больше не будет нужды маркировать определенный сегмент культуры в качестве стоящего в оппозиции к преступному российскому режиму – просто потому, что этот режим прекратит свое существование (*Про ROAR*, электронный ресурс).

Проект ROAR подчеркивает, что Интернет становится для интеллектуалов средством, с помощью которого они выступают против вторжения. 12 марта 2022 года Дмитрий Глуховский, автор постапокалиптической серии романов *Метро*, выложил в „Инстаграм” два ролика с возванием, написанным на русском и на английском: „Остановите войну! Признайте, что это настоящая война против целого народа и остановите ее!”. Первый ролик показывает танк, стреляющий в жилой дом в Мариуполе, а во втором ролике Путин, говоря о вторжении, произносит слово „война” вместо „специальная операция” (*Protiv pisatelâ Dmitriâ Gluhovskogo vzbudili delo o „fejkah” pro armii*, электронный ресурс). Глуховский уже находился за рубежом, когда вторжение началось. Если бы он вернулся в Россию, его бы арестовывали: 13 мая 2022 года он был заочно приговорен к 8-летнему тюремному сроку по обвинению в распространении фейков об армии.

Заключение

После вторжения в Украину 2022 года советское противопоставление *мы/они* вновь стало употребляться с целью определения политических взглядов писателей. Писатели, ставшими *нами*, публично симпатизируют Путину и живут в России. Им противопоставляют новых диссидентов, т. е. *их*, живущих за рубежом или являющихся авторами андеграунда *нами*, публично симпатизируют Путину и живут в России. Им противопоставляют новых диссидентов, т. е. *их*, живущих за рубежом или являющихся авторами андеграунда .

Осипов пишет, что те, кто уехал из России, чувствуют вину за то, что им удалось благополучно покинуть родину, в то время как украинцы страдают из-за жестокости российской армии:

Наконец пограничник отпускает тебя, ты садишься в самолет Ереван–Франкфурт, и вот тогда и становится – зябко, стыдно, освобожденно. Зябко жить в творящейся на твоих глазах истории, зябко потому, что то или другое твое действие, слово могут иметь немедленные последствия. А стыдно в том числе от того, что освобожденно (Osipov).

Но выступающие против вторжения интеллектуалы не должны испытывать стыд за то, что они эмигрировали. Писатели, поддерживающие вторжение, являются настоящими врагами народа и культуры уже потому, что они узаконивают авторитаризм.

References

- Alexander, Jeffrey. *Trauma. A social theory*. Cambridge, Polity, 2012.
- Assmann, Aleida. „Canon and Archive”. *Media and Cultural Memory*. Eds. Astrid Erll, Ansgar Nünning. Berlin, De Gruyter, 2008, s. 97–108.
- Assmann, Aleida. *Formen des Vergessens*. Göttingen, Wallstein Verlag, 2016.
- Assmann, Jan. „Communicative and cultural memory”. *Culture memory studies: An international and interdisciplinary handbook*. Eds. Astrid Erll, Ansgar Nünning. Berlin, De Gruyter, 2008, s. 109–118.
- Berdâev, Nikolaj Aleksandrovič. „O vlasti prostranstv nad ruskoj dušoj”. *Ruskaâ ideâ. Osnovnye problemy mysli XIX veka i načala XX veka. Sud’ba Rossii*. Red. Nikolaj Berdâev. Moskva, Izdatel’stvo V. Ševčuk, 2000, s. 279–284.
- Berdnikova, Elena. „GRAD polzučij”. *Novaâ gazeta*, 16.09.2022.
- Boele, Otto, Boris Noordenbos, Ksenia Robbe. „The many practices of post-Soviet nostalgia: Affect, appropriation, contestation”. *Post-Soviet nostalgia. Confronting the empire’s legacy*. Eds. Otto Boele, Boris Noordenbos, Ksenia Robbe. New York–London, Routledge, 2020, s. 1–17.
- Bojm, Svetlana. *The future of nostalgia*. New York, Basic Books, 2001.
- Borisova, Marina. „Rossijskij pisatel’ Vladimir Sorokin želaet pobedy Ukraine”. *Deutsche Welle*, 25.04.2022.
- Grenoble, Leonore A. *Language policy in the Soviet Union*. New York, Boston–Dordrecht–London–Moscow, 2003.
- Hrytsak, Yaroslav. „Russia’s Problems Go Far Beyond Putin”. *Time*, 5.04.2022.
- Karatnycky, Adrian. „Ukraine’s Orange Revolution”. *Foreign Affairs*, 84 (2), 2005, s. 35–52.
- Khazanov, Anatoly. „Whom to Mourn and Whom to Forget? (Re)constructing Collective Memory in Contemporary Russia”. *Perpetrators, Accomplices and Victims in Twentieth-Century Politics*. Eds. Anatoly Khazanov, Stanley Payne. London–New York, Routledge, 2009, s. 132–149.
- Khinkulova, Kateryna. „Hello, Lenin? Nostalgia on Post-Soviet Television in Russia and Ukraine”. *Journal of European Television History and Culture*, 1 (2), 2012, s. 94–104.
- „Kto hočet žertv? Obrašenje pisatelej Rossii po povodu special’noj operacii našej armii v Donbasse i na territorii Ukrainy”. *Literaturnaâ gazeta*, 28.02.2022. Web. 30.09.2024. <https://tinyurl.com/595uwntd>.
- LaCapra, Dominik. *Writing history, writing trauma*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2000.
- Lyotard, Jean-François. *La condition postmoderne*. Paris, Éditions de minuit, 1979.

- „Maria Stepanova: The war of Putin’s imagination”. *Financial Times*. 18.03.2022. Web. 30.09.2024. <https://www.ft.com/content/c2797437-5d3f-466a-bc63-2a1725aa57a5>.
- Medvec, Stephen. „The European Union and expansion to the East: Aspects of accession, problems, and prospects for the future”. *International Social Science Review*, 84 (1/2), 2009, s. 66–83.
- „Meždunarodnoe obrašenie pisatelej po povodu vojny – k tem, kto govorit na russkom âzyke”. *Meduza*, 5.03.2022. Web. 30.09.2024. <https://meduza.io/feature/2022/03/05/mezhdunarodnoe-obraschenie-pisateley-po-povodu-voyny-k-tem-kto-govorit-na-russkom-yazyke>.
- Osipov, Maksim. „Zâbko, stydno, osvoboždënno”. *Novaâ gazeta*, 8.05.2022.
- Pro ROAR*. Web 24.04.2022. <https://roar-review.com/ROAR-9f9105e0f81e4d9da804a9ed41ed0bb2>.
- „Protiv pisatelâ Dmitriâ Gluhovskogo vozбудili delo o «fejkah» pro armii”. *Meduza*, 7.06.2022. Web. 30.09.2024. <https://meduza.io/feature/2022/06/07/protiv-pisatelya-dmitriya-gluhovskogo-vozbudili-delo-o-fejkah-pro-armiyu>.
- Puleri, Marco. *Ukrainian, Russophone, (Other) Russian. Hybrid Identities and Narratives in Post-Soviet Culture and Politics*. Losanne, Peter Lang, 2020.
- Putin nazval raspad SSSR tragediej i „raspadom istoričeskoj Rossii”*, 12.12.2021. Web. 30.09.2024. <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2021/61b5e7b79a7947689a33f5fe>.
- Solchanyk, Roman. „Russian language and Soviet politics”. *Soviet Studies*, 34 (1), 2009, s. 23–42.
- Taroščina, Slava. „Prišestvie epohi Z. Koncert v «Lužnikach» pokazal novoe lico Rossii”. *Novaâ gazeta*, 18.03.2022.
- „Tekst obrašeniâ Vladimira Putina k rossiânam i sootečestvennikam na Ukraine”. *RIA Novosti*. Web. 22.02.2022. <https://ria.ru/20220222/obraschenie-1774258993.html>.
- Ulickaâ o posledstviâh vojny: „Èto budet bol’šaa travma”*. Web. 01.04.2022. <https://www.dw.com/ru/ljudmila-ulizkaya-esli-vojna-budet-ostanovlena-eto-budet-zasluga-zhenchin/a-61326679>.
- Ušakin, Sergej. „«Nam ètoj bol’û dyšat’?» O travme, pamâti i soobšestvach”. *Travma: punkty*. Red. Sergej Ušakin, Elena Trubina. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, s. 5–41.
- Volkan, Vamik. „Transgenerational transmissions and chosen traumas: An aspect of large-group identity”. *Group Analysis*, 34 (1), 2001, s. 79–97.